

Овчарская О. В. Истоки поэтики Чехова: юмористическая журналистика как претекст / О. В. Овчарская // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 171—182.

УДК 821.161.1Чехов+82-32::82-92

Истоки поэтики Чехова: юмористическая журналистика как претекст*

© **Овчарская Ольга Владимировна (2015)**, аспирант кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), ov4arskayaolga@mail.ru.

Представлены результаты сопоставительного анализа трех рассказов Чехова с несколькими более ранними рассказами авторов юмористического журнала «Осколки» на схожие сюжеты. Подчеркивается, что, хотя Чехов был внимательным читателем журнала «Осколки», сюжетные совпадения не могут свидетельствовать о том, что он ориентировался именно на эти рассказы, поскольку, как и в любой области массовой литературы, в «малой прессе» 1880-х были распространены шаблонные описания и типичные ситуации. Актуальность исследования обусловлена тем, что анализ литературных параллелей помогает понять, чем произведения Чехова выделялись на фоне юмористической журналистики, какой способ раскрытия старого сюжета он выбирал. Указывается, что в начале творческого пути тексты Чехова мало отличались от произведений его коллег, но скоро рассказы писателя становятся более продуманными и технически организованными. Посредством сопоставительного анализа автор показывает, что Чехов использует тексты «малой прессы» как материал и в результате на основе старого анекдота, календарной тематики, используя распространенные приемы организации текста (градацию, повествование от лица обывателя), он строит новое оригинальное произведение. Показано, что внешне рассказы Чехова сконцентрированы вокруг неожиданного финала, пунта, но внимание читателя переключается с сюжетного уровня на новый способ организации материала, на интересных комических персонажей.

Ключевые слова: А. П. Чехов; «малая пресса»; юмористическая журналистика; поэтика; история русской литературы.

1. Вводные замечания

Мысль о том, что изучение творчества Чехова невозможно без исследования его работы в юмористической журналистике, уже давно утвердилась в чеховедении [Ильюхина, 2002; Катаев, 1982; Мышковская, 1929; Орлов, 2008; Сухих, 2007, Brooks, 2014]. А. П. Чудаков в связи с этим писал: «Чехов был не сторонним наблюдателем и читателем малой прессы, но ее работником, ее неутомимым вкладчиком, какое-то время себя от нее не отделяющим. <...> Поэтому связи Чехова с этой прессой особенно сложны; корни его творчества погружены в ее зыбкие и неведомые трясины глубоко» [Чудаков, 1986, с. 9].

* Работа выполнена при поддержке гранта «Интертекстуальный анализ: принципы и границы» (Мероприятие 2/14, шифр ИАС 31.38.301.2014).

Опубликованные в 1982 году два сборника с рассказами писателей «чеховской артели» [Спутники Чехова, 1982; Писатели чеховской поры, 1982] показали новые перспективы в исследовании творчества автора. При фронтальном изучении юмористической журналистики 1880-х годов в целях поиска истоков чеховской поэтики можно найти множество рассказов, сходных с чеховскими, но практически никогда нельзя с уверенностью сказать, что Чехов ориентировался на конкретный образец при написании своего текста. Как и в любой области массовой литературы, в «малой прессе» распространены «стандартизованное описание внешности героев, их переживаний, гладкий слог и сюжетная схема» [Муравьев, 1978, стб. 518]. Часто повторы обусловлены ориентацией на календарный цикл, на определенный тип читателей [См.: Душечкина, 1995; Рейтблат, 1991]. Тем не менее, такие параллели могут показать, чем отличался будущий классик от своих коллег по юмористическим изданиям, какой способ развития уже прозвучавшей в «осколочной» литературе темы он выбирал.

В настоящей статье мы рассмотрим три рассказа А. П. Чехова, опубликованные в журнале «Осколки» с 1882 по 1887 годы, на сюжеты, которые до Чехова уже не раз разрабатывались в «малой прессе». Как известно, Чехов начал сотрудничать с лейкинским журналом в конце 1882 года, тогда же он начал получать номера «Осколков», и по его замечаниям в письмах к Лейкину видно, что с содержанием каждого номера он знакомился очень подробно: «Ранее моск<овские> заметки велись неказисто. Они выделялись из общего тона своим чисто московским тоном: сухость, мелочность и небрежность. Если бы их не было, то читатель потерял бы весьма мало» [ПСС, т. 1, с. 85]. Внимательное прочтение Чеховым материалов журнала подтверждают критические замечания в письмах к редактору: «В предпоследнем номере подгуляла и серединка: французская карикатура, ранее Вас похищенная “Будильником”, и ноты. Ноты не весьма блестящие...» [ПСС, т. 1, с. 79].

Таким образом, вероятность того, что Чехов читал рассказы, опубликованные в журнале «Осколки», очень высока, и сюжетные совпадения могут быть не случайны.

2. Сопоставительный анализ произведений Прокопа (В. А. Прокофьева) «Осколки красноречия» и А. П. Чехова «Злоумышленники (рассказ очевидцев)»

Рассказ В. А. Прокофьева «Осколки красноречия» написан в форме рапорта исправнику от старшины и волостного писаря. По-видимому, именно волостной писарь и украшает повествование «художественными» оборотами, используя архаичные сентименталистские и романтические поэтизмы: *дневные заботы терпеливой доли селянина, ветер приносил прохладу ночную* [Прокоп, 1882, с. 5] и т. п. Герои сообщают, что крестьянин Емельян Ухабов ночью заметил в поле неизвестного господина, который поднимал руки к небу и смотрел на звезды, у него было *сбоку блестящее подобие длинной редьки, что*

надо предполагать была какая-либо акустическая труба [Там же]. Старшина и волостной писарь предполагают, что он смотрел на Большую Медведицу, так как та была хорошо видна в ту ночь, местные жительницы объясняли это тем, что *ангел божий дымную пелену грехов наших с звезд сгоняет* [Там же]. Авторы рапорта смеются над этим суеверием, но замечают, что школьному учителю, который рассказывал о строении Вселенной, они тоже не верят и детей к нему не пускают, так как подозревают, что он «экономист».

Емельян подошел и заговорил с мужчиной. Сначала господин ответил ему грубо (*А, может, и на земле кого видите? — Да вот тебя дурака вижу* [Там же]), но затем они нашли общий язык и разговорились о влиянии звезд на плодородие земли. После этого господин ушел в соседнее село. Авторы рапорта спрашивают у начальства, стоит ли организовать облаву для поимки неизвестного, а Емельяна посадить под арест.

«Осколки красноречия» В. А. Прокофьева, как и «Злоумышленники» А. П. Чехова, написаны от лица «темных» обывателей (крестьян или жителей маленького городка). В обоих рассказах описывается сходная ситуация: приехавший из города образованный человек занимается непонятными им астрономическими наблюдениями, чем вызывает подозрения, и местные жители обращаются к начальству, чтобы сообщить о непонятном, потенциально опасном происшествии, подчеркнуть свою благонамеренность и непричастность и получить дальнейшие инструкции.

Однако главное различие между рассказами ощущается уже на уровне повествования. В рассказе Прокофьева есть еще одна повествовательная инстанция. Авторы рапорта пытаются показать, что их речь не такая, как речь крестьян (*...для точности удерживаю здесь свойственное простолюдинам особое произношение с жаргоном*), и постоянно подчеркивают свое уважение к властям, используя художественные обороты (*...молитвы ко Всевышнему ... о здравии надлежащего начальства от вышней власти приставленного и их под опекой не оставляющего и взором своим блудящего...*). Писарь и старшина, как герой чеховского «Письма к ученому соседу», считают себя образованнее других, пытаются писать «красиво», но тут же выдают свое невежество, упоминая, что не пускают детей учиться. При этом крестьянин, встретивший неизвестного, нашел с ним общий язык: *...говорили сначала о звездах, отчего мигают, потом об урожае и какое значение усмотреть можно в тучах небесных для произрождения земли*. Основная тема рассказа — невежество крестьян и их страх перед начальством, но акцент с тематической составляющей переносится на стилистическое оформление, на несоответствие высокого художественного стиля жанру рапорта, что и выражено в заглавии.

Рассказ Чехова «Злоумышленники» написан на злобу дня: *по случаю ожидавшегося 7 августа 1887 г. солнечного затмения* [ПСС, т. 6, с. 680]. В нем присутствуют практически все мотивы из рассказа-предшественника: страх перед начальством, стремление оправдаться и уверить начальников в своей

благонамеренности, превратное понимание природных явлений, несколько презрительное отношение интеллигенции к простолюдинам, невежество простых людей, недоверие к «образованным» и склонность объяснять природные явления их «вредной» деятельностью. Но Чехов дает слово самим жителям маленького городка, о чем свидетельствует подзаголовок «рассказ очевидцев». Они, в отличие от Емельяна Ухабова, не находят общий язык с приезжими, считают их злоумышленниками и австрийскими шпионами, но они и не склонны обвинять своих: уверяют начальство в невинности Марфы Егоровны, у которой ночевали приезжие, и хозяина трактира, который вынес по их просьбе стол и стулья на площадь, *хоть и предчувствовал недоброе* [ПСС, т. 6, с. 288]. При этом они обвиняют местные власти в халатности.

Чехов тоже пародирует малограмотную речь (*форсил, напакостивши*), но не заостряет на этом внимания читателя. Основным источником комического в рассказе становится наивный, острабяющий взгляд на мир рассказчиков. Он показан не только через речь героев, но и через их оценки и объяснения: рассказчики говорят, что посуда не может быть чистой, если есть мухи, что приезжий *старался показаться благороднее, чем он есть на самом деле* [ПСС, т. 6, с. 286]. Рассказ Чехова оказывает более сильное эстетическое воздействие на читателя, потому что он выдержан в одном стиле, выделен один основной источник комического, внимание читателя не рассеивается, поэтому от текста остается цельное впечатление.

В рассказе «Осколки красноречия» два представителя местной власти пытаются обезопасить себя и готовы ради этого наказать тех, кто находится в их власти, рады выслужиться перед начальством. Отдаленно эта ситуация напоминает рассказ Чехова «Брожение умов» (1884), где описано, как в сонном маленьком городе два обывателя остановились посмотреть на стаю скворцов и постепенно рядом с ними собралась толпа зевак, пытающихся понять, что происходит. Местные власти не могут разогнать людей, все расходятся только, когда их внимание привлек новый орган, который заиграл в трактире. Вечером городничий пишет начальству, что сделал все от него зависящее, и благодаря молитвам проживающей неподалеку жены начальника и действиям пожарного майора все обошлось без кровопролития. Виновные пока сидят взаперти, но скоро их отпустят, потому что *от невежества преступили заповедь* [ПСС, т. 3, с. 27].

Известно, что Чехов протестовал против корректуры Лейкина, который вставил в финал письма городничего фразу *А все из-за скворцов вышло*. Он пишет редактору «Осколков»: «Городничему вовсе неизвестно, из-за чего бунт вышел, да и нет ему надобности умалять свои административные подвиги такими ничтожными причинами, как скворцы... Он никогда не объяснит бунта скворцами... Ему нужна «ажитация»...» [ПСС, т. 1, с. 112]. В «Злоумышленниках» обыватели описаны как люди темные, но сплоченные против начальства, защищающие других жителей города. В целом, рассказ Чехова, в отличие от рассказа Прокофьева, носит скорее юмористический, чем сатирический характер.

3. Сопоставительный анализ произведений Дяди Митяя (И. И. Барышев-Мясницкий) «Современная барышня (истинный случай)» и А. П. Чехова «Дурак (рассказ холостяка)»

Главный герой рассказа И. И. Барышева-Мясницкого «Современная барышня (истинный случай)» Володя Тихоомутов служит в управлении железных дорог счетоводом и получает мизерное жалование, но для провинциальной жизни этого хватает. Герой хочет жениться и вскоре находит себе красавицу-невесту польского происхождения Брониславу. Она тоже небогата, но влюбленные счастливы и клянутся друг другу в вечной любви. Тихоомутов просит своего начальника Бржеславского быть посаженным отцом, тот соглашается и приезжает знакомиться с невестой. Начальнику явно понравилась девушка, он много говорит с ней по-польски, Тихоомутов не понимает их разговор и злится. После отъезда начальника Бронислава говорит жениху, что он все узнает завтра. На следующий день начальник просит Тихоомутова уступить невесту в обмен на выгодное место на пограничной станции. Герой соглашается и навсегда расстается с невестой. Она *ведет жизнь шикарной куртизанки*, а муж с ее помощью делает себе карьеру. Рассказ завершается фразой *Это ли не современная барышня?! [Дядя Митяй, 1882, с. 4].*

Главная тема рассказа — порочность современных нравов. Говорящая фамилия жениха Тихоомутов объясняется в финале рассказа, когда, как казалось, влюбленный, романтичный и честный юноша уступает невесту в обмен на выгодную должность. Невеста, клявшаяся в любви и верности, предпочитает выйти за старика и вести жизнь куртизанки. Тот в свою очередь использует молодую жену, чтобы сделать успешную карьеру и «сколотить капитал». Акцент сделан на образе коварной невесты — не случайно рассказ озаглавлен «Современная барышня».

В этом рассказе соединено несколько популярных в «малой прессе» сюжетов, и все они появлялись у Чехова: подчиненный уступает жену или невесту начальнику, например, в рассказе «На гвозде» (1883), а также в приписываемом Чехову рассказе «Ревнивый муж и храбрый любовник» (1883), при этом герой извлекает выгоду, например, в рассказе «Начальник станции» (1883), девушка выбирает более выгодную партию в произведениях «Который из трех» (1882), «Загадочная натура» (1883). Однако рассказ «Дурак» отличается от других тем, что имеет более сложную художественную структуру.

Повествование ведется от первого лица, что дает возможность сделать концовку более эффектной: герой сам сообщает о внутреннем событии, понимая свою ошибку: *Ахнул и с той поры умней стал [ПСС, т. 2, с. 79].* Рассказ явно апеллирует к устоявшимся литературным клише, которые воспроизводит в своей речи либеральный начальник: молодые люди влюблены друг в друга, но им препятствуют жестокие родители одного из них, которые не признают брака по любви, а хотят, чтоб их дочь сделала выгодную партию. При этом из рассказа становится ясно, что реальное положение дел прямо противопо-

ложно: выгодно выдать дочь замуж хотя бы родители бедной невесты (того же желает и сама невеста), а семья жениха действительно хочет спасти сына от опрометчивого шага. В финале невеста достается либеральному начальнику.

Рассказ Чехова говорит не только о порочности общества, но и о шаблонности мышления, о клише, которые мешают увидеть правду. Поэтому в заглавие вынесена самохарактеристика героя — «Дурак», а главное событие происходит в его сознании. Но в то же время рамочная композиция компрометирует и самого рассказчика. Ремарки, сообщающие читателю о его действиях, не производят приятного впечатления: *почесал затылок, понюхал табак, громко высморкался, ухмыльнулся* и т. д. Либеральные настроения начальника рассказчик характеризует пренебрежительно: *На мое несчастье, начальник мой с душком был. Мода тогда либеральная пошла только что, дух этот...* [ПСС, т. 2, с. 78], *И, чтобы показать, что в нем сидит самый настоящий дух этот* [Там же, с. 79]. И хотя благородный на словах начальник постепенно обнаруживает свою неприглядность, сначала в речи, потом и в поступках: *Славная, говорит, у тебя бабенка! Худая, косая, а что-то французистое в ней есть! Огонь какой-то!* [Там же], для рассказчика не только начальник, но и вся либеральная идеология оказывается после этого случая скомпрометированной.

Таким образом, Чехов противопоставляет в рассказе две истории. Сюжет старого анекдота, в котором глупый молодой человек получил жестокий урок и поумнел (был дураком, но понял свою ошибку), автор противопоставляет сатирическому взгляду на современность: неприятный герой рассказывает о случае из своей биографии, обличающем «модный либеральный дух» (остался дураком и сейчас). Название рассказа может быть проинтерпретировано двояко: герой характеризует себя в прошлом или читатель характеризует героя-рассказчика в настоящем.

В 1888 году в письме А. Н. Плещееву по поводу рассказа «Именины» Чехов напишет: «Но ведь я уравниваю не консерватизм и либерализм, которые не представляют для меня главной сути, а ложь героев с их правдой» [ПСС, т. 3, с. 19]. Как видно из приведенного нами примера, уже в раннем рассказе Чехов описывает не идеологию, а ее носителей, противопоставляет их слова и поступки.

Образы Брониславы и Бржеславского из рассказа Барышева-Мясницкого «Современная барышня (истинный случай)» напоминают героев рассказа Чехова «Анна на шее»: чистая девушка, которая становится «шикарной куртизанкой» и забывает о прошлых привязанностях, и старый муж, который делает себе карьеру с помощью жены:

Но уже больше не видал своей Брониславы, которая вскоре сделалась женой Бржеславского, и для нее потянулась веселая жизнь шикарной куртизанки, за которую волочило все высшее железнодорожное начальство. Она постоянно в разъездах по Европе и в настоящее время куртизанист где-то

в Баден-Бадене. Муж ее сильно полез в гору и теперь живет в столице и сколачивает себе солидные капиталы...

Это ли не современная барышня?! [Дядя Митяй, 1882, с. 4]

Сравним:

На Пасхе Модест Алексеич получил Анну второй степени.

... А Аня всё каталась на тройках, ездила с Артыновым на охоту, играла в одноактных пьесах, ужинала, и всё реже и реже бывала у своих [ПСС, т. 9, с. 172—173].

Драматизм позднего чеховского рассказа состоит в том, что сначала в тексте показана внутренняя точка зрения героини и ее переживания, а в финале Анна превращается в беззаботную светскую даму, не думающую ни о чем, кроме развлечений: «Аня-Анюта еще видит и слышит окружающий мир, но пройдет несколько месяцев, и она промчится мимо пьяненького отца ... и все будет неразлично в вихре удовольствий» [Кройчик, 1986, с. 170]. Таким образом, в рассказе Чехова читатель может наблюдать эволюцию от живого, страдающего человека до плоского литературного типа.

4. Сопоставительный анализ произведений И. Грэка (В. В. Билибин) «Не люблю, не слушай», Сазандра (А. С. Лазарев-Грузинский) «Простые средства выпроваживания гостей» и А. П. Чехова «Гость (сценка)»

В рассказе В. В. Билибина «Не люблю, не слушай» повествование ведется от первого лица. Герой занят работой в своем кабинете, он слышит шум в передней. Несмотря на протест горничной, в комнату входит Хлестаков, разваливается в кресле, закуривает сигару, положив ноги на стол, и начинает рассказывать небылицы. Он говорит, что православных во время поста не будут пускать в оперетку, что Рафаэлю к юбилею дали чин статского советника, что он, Хлестаков, написал пьесу из испанской жизни времен инквизиции на сюжет Софокла, что кучерам в слякоть прикажут надевать лошадям калоши и что его зовут в медиумы записывать слова духов. Наконец хозяину надоедает это слушать, и он просит займы 25 рублей, на что Хлестаков отвечает, что сейчас принесет, уходит и больше не возвращается.

Вероятность непосредственной связи этого и чеховского рассказов наименее вероятна, скорее всего, они восходят к одному и тому же анекдоту или просто юмористическому «общему месту» эпохи.

Героем рассказа Билибина становится Хлестаков. Использование героев классических произведений — распространенный прием в «малой прессе», чаще всего это персонажи Грибоедова, Гоголя и Салтыкова-Щедрина (повидимому, этот прием восходит именно к поэтике Салтыкова-Щедрина, который стал им пользоваться еще в 1860-е гг.).

Комизм рассказа состоит, прежде всего, в нелепости новостей, которые выдумывает Хлестаков. В своих замечаниях он обращается к злободневным темам — спиритизм, «Общество защиты животных», Великий пост. Рассказчик хоть и тяготится обществом Хлестакова, но, видимо, привык к его посещениям, а когда гость ему надоедает, он знает, как от него избавиться. Юмореска явно проходная, это подтверждается тем, что в 42 номере «Осколков» появляется ее продолжение: Хлестаков опять без приглашения приходит в гости, рассказывает небылицы, а в финале уже сам просит взаймы 5 рублей.

Этот же сюжет развивает в форме юморески другой автор малой прессы А. С. Лазарев-Грузинский. В его варианте гость только пришел и надо сделать так, чтоб он не захотел оставаться. Два из его вариантов избавления от гостей совпадают с теми, которые мы видим в рассказе Чехова:

Самое простое и древним человекам известное средство — это попросить у гостя взаймы денег. Гость исчезает моментально [Сазандр, 1884, с. 6].

Недурно обрадоваться гостью и подобным образом:

— Голубчик! Отец родной!! Как Вы догадались прийти? А у меня, знаете ли жена третий день в пятнистом тифе, у брата что-то вроде холеры начинается ... совсем с ног сбился!!! Ну, слава Богу! Теперь отведу душу. Я надеюсь, вы не откажетесь ... оканчивать нет нужды, так как гость уже давно исчез из комнаты) [Там же].

Сравним:

Все средства испробовал, — думал он. — Ни одна пуля не пробила этого мастодонта. Теперь до четырех часов будет сидеть... Господи, сто целковых дал бы теперь, чтобы сю минуту завалиться дрыхнуть... Ба! Попрошу-ка у него денег взаймы! Прелестное средство ...

— Парфений Саввич! — перебил он полковника. — Я опять вас перебыю. Хочется мне попросить вас об одном маленьком одолжении ... Дело в том, что в последнее время, живя здесь на даче, я ужасно истратился. Денег нет ни копейки, а между тем в конце августа мне предстоит получка [ПСС, т. 4, с. 96]

— Послушайте, — перебил он полковника, — что мне делать? У меня ужасно болит горло! Чёрт меня дернул зайти сегодня утром к одному знакомому, у которого ребенок лежит в дифтерит. Вероятно, я заразился. Да, чувствую, что заразился. У меня дифтерит! [Там же, с. 94].

Чехов превращает краткую юмореску в рассказ, включая ее в календарный цикл — действие происходит на даче. В рассказе Чехова как бы соединены оба произведения-предшественника: из юморески Грузинского взяты несколько способов избавиться от гостя, но они выстраиваются по принципу градации: полезно для здоровья ложиться спать вовремя — болезнь — буйные припадки — графоманский роман — деньги в долг. Дополнительный комический

эффект создается за счет того, что роман оказывается страшнее дифтерита, а гостю не так страшны болезнь и ужасный роман, как потеря денег. Эта градация и подготавливает пуант, такой же, как в рассказе Билибина, — избавление с помощью просьбы дать в долг.

Чехов в своем рассказе касается множества тем, встречающихся в «малой прессе»: дачная жизнь, болезни, графомания. Этот перечень звучит как самоирония, поскольку героя пытаются напугать тем, что пишут в юмористических журналах. С. Д. Кржижановский, анализируя рассказ «Гость», сравнивает его с постепенным натяжением нити: «технический интерес рассказа заключается в равномерности нарастания нагрузок, натягивающих нервы до предела» [Кржижановский, 2010, с. 499]. Чехов удачно соединяет старый анекдот, календарную тематику и набор актуальных тем, выстраивая из этого цельное повествование. В отличие от рассказа И. Грека, решение, как избавиться от гостя, приходит неожиданно, и создается впечатление неожиданного избавления.

5. Выводы

В рассмотренных примерах представлены не самые ранние рассказы Чехова, к моменту их написания он уже имел опыт работы в юмористике. Мы не склонны видеть черты будущего великого писателя в каждом раннем чеховском произведении, большинство из них (особенно юморески и сценки) не выделяются из общей массы юмористики. Но в жанре новеллистического рассказа, основанного на анекдоте, неожиданном повороте событий, Чехов довольно рано становится искуснее своих коллег.

Принципиальную значимость жанра анекдота для раннего Чехова отмечает Е. Я. Курганов: «Без анекдота мир Чехова просто не может быть понят, но его ни в коем случае нельзя сводить к анекдоту. Мир этот многосоставен, но анекдот в его пределах структурно особенно выделен, обладает повышенной значимостью» [Курганов, 2015, с. 238]. В описанных рассказах Чехов использует тексты «малой прессы» как материал: обыгрывает старый анекдот, используя известные приемы организации текста, в частности градацию, повествование от лица обывателя, обращается к календарной тематике — и строит новое оригинальное произведение. Внешне рассказы сконцентрированы вокруг неожиданного финала, пуанта, но внимание читателя переключается с сюжетного уровня на новый способ организации материала, на интересных комических персонажей.

Источники

1. *Дядя Митяй* <Барышев-Мясницкий И. И.> Современная барышня (истинный случай) / *Дядя Митяй* <И. И. Барышев-Мясницкий > // Осколки. — 1882. — № 31. — С. 3—4.
2. *Грэк И.* <Билибин В. В.> Не люблю, не слушай / И. Грэк <В. В. Билибин> // Осколки. — 1883. — № 13. — С. 4.
3. *Прокоп* <Прокофьев В. А.> Осколки красноречия / Прокоп <В. А. Прокофьев> // Осколки. — 1882. — № 36. — С. 5.

4. *Сазандр* <Лазарев-Грузинский А. С.> Простые средства выпроваживания гостей / Сазандр <А. С. Лазарев-Грузинский> // Осколки. — 1884. — № 48. — С. 6.
5. *Чехов А. П.* Гость (сценка) / А. П. Чехов // Петербургская газета. — 1885. — № 212. — С. 3.
6. *Чехов А. П.* Дурак (рассказ холостяка) / А. П. Чехов // Зритель. — 1883. — № 18. — С. 3.
7. *Чехов А. П.* Злоумышленники (рассказ очевидцев) / А. П. Чехов // Осколки. — 1887. — № 32. — С. 4.
8. ПСС — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1974—1983.

Литература

1. *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1995. — 256 с.
2. *Ильюхина Т. Ю.* Антоша Чехонте, Макар Балдастов и другие: учебное пособие / Т. Ю. Ильюхина. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. — 83 с.
3. *Катаев В. Б.* Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) / В. Б. Катаев // Спутники Чехова / ред. В. Б. Катаев. — Москва : Изд-во МГУ, 1982. — С. 17—24.
4. *Кржижановский С. Д.* Чехонте и Чехов / С. Д. Кржижановский // А. П. Чехов : pro et contra : личность и творчество А. П. Чехова в русской мысли XX в. (1914—1960) / ред. И. Н. Сухих. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 2010. — С. 487—511.
5. *Кройчик Л. Е.* Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова / Л. Е. Кройчик. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1986. — 278 с.
6. *Курганов Е. Я.* Анекдот как жанр русской словесности / Е. Я. Курганов. — Москва : ArsisBooks, 2015. — 264 с.
7. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей / И. Ф. Масанов. — Москва: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957—1960. — Т. I—IV.
8. *Муравьев В. С.* Массовая литература / В. С. Муравьев // Краткая литературная энциклопедия : в 9 томах. — Москва : Советская энциклопедия, 1978. — Т 9. — Стб. 517—519.
9. *Мышковская Л. М.* Чехов и юмористические журналы 80-х годов / Л. М. Мышковская. — Москва : Московский рабочий, 1929. — 128 с.
10. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2008. — 253 с.
11. *Писатели чеховской поры* : в 2 томах. / ред. С. В. Букчин. — Москва : Художественная литература, 1982. — Т. 1. — 462 с.
12. *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту : очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века / А. И. Рейтблат. — Москва : Изд-во МПИ, 1991. — 224 с.
13. *Спутники Чехова* / ред. В. Б. Катаев. — Москва : Изд-во МГУ, 1982. — 480 с.
14. *Сухих И. Н.* Проблемы поэтики Чехова / И. Н. Сухих. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2007. — 490 с.
15. *Чудаков А. П.* Мир Чехова : возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. — Москва : Советский писатель, 1986. — 384 с.
16. *Brooks J.* The Young Chekhov: Reader and Writer of Popular Realism / J. Brooks // Reading in Russia. Practices of Reading and Literature Communication, 1760—1930 / Rebecchini D., Vassena R. (eds.). — Milano, 2014. — p. 201—218.

Origins of Chekhov's Poetics: Humorous Journalism as Pre-Text

© **Ovcharskaya Olga Vladimirovna (2015)**, post-graduate student, History of Russian Literature Department, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), ov4arskaya-olga@mail.ru.

The results of comparative analysis of three short stories by Chekhov with a few earlier stories of the authors of comic magazine "Oskolki" on similar subjects are presented. It is emphasized that, although Chekhov was an attentive reader of "Oskolki" magazine, the story coincidences are not able to indicate that he was guided by these stories because, as in any area of mass literature, in "small press" of the 1880s the formulaic descriptions and typical situations were common. The relevance of the study is due to the fact that the analysis of literary parallels helps to understand how the works by Chekhov stood out for humorous journalism, which way of disclosure of the old story he chose. It is stated that in the beginning of creative way, the texts by Chekhov differed little from the works of his colleagues, but soon the stories of the writer became more sophisticated and more technically organized. Through comparative analysis, the author shows that Chekhov uses the texts of "small press" as a material and as a result on the basis of the old joke, calendar themes, using common methods of organization of the text (gradation, narrative on behalf of the average man), he builds a new original text. It is shown that externally Chekhov's stories centered around unexpected finale, the pointe, but the reader's attention switches from the plot level to a new way of organizing the material, to interesting comic characters.

Key words: A. P. Chekhov; "small press"; humorous journalism; poetics; history of Russian literature.

References

- Brooks, J. 2014. The Young Chekhov: Reader and Writer of Popular Realism. In: Rebecchini, D., Vassena, R. (eds.). *Reading in Russia. Practices of Reading and Literature Communication, 1760–1930*. Milano. 201—218.
- Bukchin, S. V. (ed.). 1982. *Pisateli chekhovskoy pory: v 2 tomakh*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1: 462. (In Russ.).
- Chudakov, A. P. 1986. *Mir Chekhova: Vozniknoveniye i utverzhdeniye*. Moskva: Sovetskiiy pisatel'. 384. (In Russ.).
- Dushechkina, E. V. 1995. *Russkiy svyatochnyy rasskaz: stanovleniye zhanra*. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU. 256. (In Russ.).
- Ilyukhina, T. Yu. 2002. *Antosha Chekhonte, Makar Baldastov i drugiye: uchebnoye posobiye*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 83. (In Russ.).
- Kataev, V. B. 1982. Chekhov i yego literaturnoye okruzeniye (80-e gody XIX veka). In: Kataev, V. B. (ed.). *Sputniki Chekhova*. Moskva: Izd-vo MGU. 17—24. (In Russ.).
- Kataev, V. B. (ed.). 1982. *Sputniki Chekhova*. Moskva: Izd-vo MGU. 480. (In Russ.).
- Kroychik, L. E. 1986. *Poetika komicheskogo v proizvedeniyakh A. P. Chekhova*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. 278. (In Russ.).
- Krzhizhanovskiy, S. D. 2010. Chekhonte i Chekhov. In: Sukhikh, I. N. (ed.). *A. P. Chekhov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo A. P. Chekhova v russkoy mysli XX v. (1914—1960)*. Sankt-Peterburg: Izd-vo RKhGI. 487—511. (In Russ.).
- Kurganov, E. Ya. 2015. *Anekdot kak zhanr russkoy slovesnosti*. Moskva: ArsisBooks. 264. (In Russ.).
- Masanov, I. F. 1957—1960. *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley: I—IV*. Moskva: Izd-vo Vsesoyuz. kn. Palaty. (In Russ.).

- Muravyev, V. S. 1978. *Massovaya literature. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 tomakh*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 9: 517—519. (In Russ.).
- Myshkovskaya, L. M. 1929. *Chekhov i yumoristicheskiye zhurnaly 80-kh godov*. Moskva: Moskovskiy rabochiy. 128. (In Russ.).
- Orlov, E. D. 2008. *Literaturnyy byt 1880-kh godov. Tvorchestvo Chekhova i avtorov «maloy pressy»*: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. 253. (In Russ.).
- Reytblat, A. I. 1991. *Ot Bovy k Balmontu. Ocherki po istorii chteniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka*. Moskva: Izd-vo MPI. 224. (In Russ.).
- Sukhikh, I. N. 2007. *Problemy poetiki Chekhova*. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. 490. (In Russ.).